Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2018

Ростов
2019

«Измена явная»: события мая-июня 1591 г. в Угличе, Ярославле и Москве

Л. В. Столярова, П. В. Белоусов

Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы.
А. С. Пушкин. «Борис Годунов».

Не успела Следственная комиссия кн. боярина В. И. Шуйского начать работу в Угличе по расследованию обстоятельств гибели царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. и «измены» Нагих, как в Москве случился пожар. В 20-х числах мая Москва в нескольких местах была подожжена неизвестными. Дотла выгорел Белый город[1]. Страшную картину пожара рисует Авраамий Палицын: «...в Чертольской улице напрасно возгореся колымажной двор и потом Абацкаа улица и Никитцкаа и Тверскаа и Петровскаа и до Трубы и града Белово камяново кровля вся и за городом Посольской двор и Стрелецкие слободы. И тако все Занеглинение вскоре погоре, и множество святых церквей со всякою святынею и православных христиан всякого возраста згорешя множество много»[2].

Новый летописец связывает это событие с гибелью царевича Дмитрия: «Того же месяца июня по убиении царевича Дмитрея посла Богъ его праведного кровь на насъ, грехъ ради нашихъ, беды и скорби и печали многие. Бысть пожаръ на Москве велми, загореся в Чертолье, и выгоре Белои городъ весь отъ Чертолскихъ воротъ по самую Неглинну; не токмо что дворы, ино и въ церквахъ каменныхъ все погоре. После же тово немного спустя загореся на Покровке и горело до Покровки и выгорело много дворов»[3].

Пожары накалили обстановку в столице до предела. Противники Годунова провоцировали мятеж, обвиняя Бориса во всех бедах. Иван Тимофеев одно-

[1] НИОР РГБ. Собр. Горского. № 16. Л. 320 (Разрядная книга 1577–1606 гг.); Разряды. Л. 761 об.; Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by L. E. Berry, R. O. Crummey. Madison, Vilwaukee and London, 1968. P. 357–359 (Джером Горсей); *Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1937. С. 41 и др.; см. также: *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих // РАНИОН. Институт истории. М., 1929. Т. IV. С. 55–70; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1985. С. 83–85; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 174–177.

[2] Сказание Авраамия Палицына / подгот. текста и ком. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 102.

[3] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 4. С. 42.

© Столярова Л.В., 2019
© Белоусов П.В., 2019

значно возлагает все вины за июньский пожар 1591 г. («внезапное пожжением запаление») на «властолюбца Бориса»: «...в различных местех онем повелителем пущеныя запалители купно везде пламень возжизаху, яко живущим ту нигде же бе возмощи утещи»[4]. Толки и пересуды о том, что Москву «зажгли Годуновых люди»[5] расползлись и за пределы Русского государства. В Литву были отправлены гонцы, которым поручалось разъяснять истинное положение дел и опровергать нежелательные для правительства Федора Ивановича и лично Бориса Годунова слухи[6]. Следовало говорить, что разговоры о том, что Москву «...зажигали Годуновых люди», ложны. На самом деле это «нехто вор, бездельник затеев, сказывал напрасно». Все подозрения с Годуновых должны быть сняты, ибо «...Годуновы бояре именитые, великие»[7].

В донесении оршанского старосты Андрея Сапеги великому гетману литовскому, воеводе виленскому Кшиштофу Радзивиллу о событиях в Русском государстве переданы тревожные слухи о пожарах, якобы инициированных Борисом Годуновым: «W Smoleńsku się też pytał o kniazia Dmitra bracie jego jeśeli żyw. Powiedziano iż pewnie jest zabit od Hodunowa Borysa i matkę jego Dmitra ten że Hodunow zabił. O tym Borysie Hodunowie jedni powiedają jakoby do ziemi Króla Pana Naszego miałprzedać a drudzy powiedają że się tegoż czasu skoro po zabiciu Dimitra i matki jego w Kitajhorodzie z ludem miał się zawarć. A Moskwę miasto jakoby tenże Borys Hodunow miał kazać zapali ć i sto człowieka dodawszy prochu i inszych potrzeb posłać miał insze zamki palić: Nowogrod Wielki, Pskow, Smoleńsk a drugie. Jakoż w Smoleńsku jedno w tydzie ń dwa dni w piecach palą dla wielkiego niebezpieczeństwa, od tego Hodunowa strzegąc się zapalenia»[8].

Наряду с сообщением об «убийстве» Дмитрия Угличского в донесении говорится и о смерти его матери царицы Марии Нагой. Виновность Бориса Годунова в этих злодеяниях не подвергается сомнению: «...zabit od Hodunowa Borysa i matkę jego Dmitra ten że Hodunow zabił...»[9]. Текст донесения содержит обороты, отражающие неуверенность информатора в достоверности описываемых им событий («jedni powiedają jakoby..., a drudzy powiedają...»,

[4] Временник Ивана Тимофеева / подгот. к печати, перевод и комментарии О.А. Державиной; под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. Репринтн. воспроизвед. изд-я 1951 г. СПб., 2004. С. 34–35.

[5] РГАДА. Ф. 79: Дела Польского двора. № 21. Л. 206–206 об. (наказ Даниле Меньшому Исленьеву, не позднее 17 июля 1591 г.); см.: *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 84.

[6] *Зимин А.А.* В канун. С. 175–176; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 84.

[7] *Аннилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 160; *Зимин А.А.* В канун. С. 175.

[8] *Эскин Ю.М., Граля И.* «Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Florilegium: К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С. 466–467.

[9] Там же.

«...a... jakoby...»[10]). Основанные на домыслах и слухах, противоречивые и не всегда достоверные, «новины»[11] о московских делах отразили обстановку нестабильности, которая царила в это время в Русском государстве, а также кризис власти, вызванный пожарами и нашествием крымских татар. Примечательно, что смерть царевича Дмитрия и здесь рассматривалась в общем контексте поразивших Россию летом 1591 г. несчастий, а царь Федор упомянут как неспособный противостоять крымчакам государь, вынужденный с царицей Ириной бежать на Белоозеро «...kniaź wielki z carycą swą pojechał za Białe Jeziora»[12].

В апреле 1592 г. приставу Ратману Михайловичу Дурову, встречавшему литовских посланников, было настоятельно рекомендовано говорить о московском пожаре следующее: «Мне в то время на Москве быти не случилось, а то подуровали было мужики воры и Нагих Офонасья з братьею люди, и то сыскано, и приговор им учинен. Да то дело рядовое, хто вор своровал, тех и казнили, а без вора ни в котором государстве не живет»[13]. Таким образом, официальные власти возлагали ответственность за пожары на Нагих.

В центре начались аресты неблагонадежных. «Переймали», в частности, слугу Нагих Ивана Михайлова и Левку Банщика «с товарыщи», уличенных в поджогах «в Москве за Неглинною»[14]. «Поджигальников» ожидали не только в Москве, но и по другим «городам, посадам и слободам». 28 мая специальной грамотой Максиму Строганову на Чусовую правительство предупреждало население об опасности новых поджогов и распоряжалось, «чтоб посадские и всякие люди у себя изб и мылен и в монастырех келей не топили нихто...; а на хоромех бы на всех были кади с водою да с помелы, и сторожи... крепкие, чтоб у всякого двора без сторожа не было ни в день, ни ночью ни на один час». Самому Строганову предписывалось ездить «по посаду и по слободам в день и в ноч[ь] без пристани» и строго следить за исполнением необходимых противопожарных мер. Опасность поджогов и вероятных «измен» на периферии ощущалась в Москве столь остро, что санкция грамоты содержала угрозу смертной казни в случае, если охранительных от пожаров мероприятий окажется недостаточно: «...а которая поруха твоим небреженьем учинитца городу или посаду и слободам, и тебе... бысть кажнену смертью»[15].

[10] Там же. С. 466.

[11] Текст донесения А. Сапеги открывается словом «nowiny» (новости): «Nowiny z Moskwy, które przyniósł Siemion Laszkowicz mieszczanin mohylewski, a Hryhorej Lachowicz mieszczanin miensky a Kuryło Oksienowicz mieszczanin kopyskii». – См.: *Эскин Ю. М., Граля И.* «Новины Московские». С. 465.

[12] Там же.

[13] *Аннилогов Г. Н.* Новые документы. С. 43; *Зимин А. А.* В канун. С. 175–176.

[14] Имена «зажигальников» названы в царской грамоте Максиму Строганову на Чусовую, опубликованной И. А. Голубцовым; см.: *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих. С. 70.

[15] *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих. С. 70; см. также: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 84; *Зимин А. А.* В канун. С. 175.

Левка Банщик сознался, что участвовал в поджоге Москвы, будучи нанятым Иваном Михайловым за деньги: «...и те зажигалники в роспросе бояром нашим сказали: присылал к ним Офонасей Нагой людей своих Иванка Михайлова с товарыщи»[16]. Согласно официальной версии, Афанасий Нагой велел своим слугам «накупить многих зажигальников, а зажигати им велел Московский посад во многих местех; и оне по Офонасьеву Нагова веленью... зажгли на Москве посад за Неглинною на Арбате во многих местех... И на Чюсовую деи да и по иным по многим городом Офанасей Нагой разослал людеи своих, а велел им зажигальников накупать, городы и посады зажигать»[17].

Согласно сообщению Джерома Горсея, пожар Москвы был напрямую связан с гибелью царевича Дмитрия[18]. Однако последовательность событий в Угличе и Москве в середине мая 1591 г. в изложении Горсея выглядит иначе, чем ее рисуют официальные документы и литературные источники: сначала будто бы «были подожжены окраины Москвы и сгорело двенадцать тысяч домов», а спустя четыре дня был убит Дмитрий[19]. При этом Горсей упоминает официальную версию поджога Москвы, которая злоумышленниками называет Нагих. Согласно Горсею, в то время, как люди Годунова занимались мародерством на пожаре, удалось схватить четырех или пятерых солдат («отъявленных мерзавцев»), которые будто бы признались, что их наняли Нагие для убийства царя и Бориса Годунова («Boris his guard had the spoil, and four or five soldiers suborned, desperate fellows hired to endure the rack, confessed, and so was published that the Tsarevich Dmitrii, his mother the empress, and the Nagois their family, had hired them to kill the emperor and Boris Fedorovich...»[20]). Горсей называет эти толки «гнусной клеветой» и объясняет их происхождение тем, что лжесвидетели были подкуплены.

[16] *Голубцов И.А.* «Измена» Нагих. С. 70.

[17] Там же.

[18] Горсей излагает, видимо, наиболее ходовую версию событий в Угличе и Москве в мае-июне 1591 г., в которой гибель царевича Дмитрия и пожары Москвы тесно увязаны между собой единством замысла Бориса Годунова. Как писал дьяк Иван Тимофеев, «...и двем убо злом бытие от властолюбца Бориса...» (Временник Ивана Тимофеева. С. 35).

[19] «...Immediately the watchmen in the streets raised the town and told how the Prince Dmitrii was slain. Some four days before, the suburbs of the Moscow was set on fire and twelve thousand houses burned...» (здесь и далее английский текст «Записок» Дж. Горсея воспроизводится по изданию: Rude & Barbarous Kingdom. Russia in the Accounts of Sixteenth Century English Voyagers / Ed. by L. E. Berry, R. O. Crummey. Madison, Vilwaukee and London, 1968. P. 357–359.).– Ср. с не всегда точным русским переводом А.А. Севастьяновой: *Горсей Д.* Записки о России XVI – начала XVII в. / пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 130; см. также: *Зимин А.А.* В канун. С. 174.

[20] «Стража Бориса занималась мародерством [после пожара], а четверо или пятеро подкупленных солдат, отъявленных мерзавцев (парней), нанятых для перенесения пытки, признались, и это было обнародовано, что царевич Дмитрий, его мать царица и весь род Нагих наняли их для того, чтобы убить царя и Бориса Федоровича...» (перевод наш.– *авт.*).

Разъяснения не помогали. Голландский купец и дипломат, автор «Истории московских смут» Исаак Масса, побывавший в России в 1601–1609 гг., писал о том, что когда весть о гибели царевича Дмитрия достигла Москвы, «...сильное смущение овладело и народом, и придворными, и царь был в таком испуге, что желал смерти; его утешали, как только могли». К тому времени, когда Масса оказался в Московии, события лета 1591 г. напрямую увязывались с политической игрой Бориса Годунова: «...царица также была глубоко огорчена и желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению ее брата, жаждавшего управлять царством и владеть короною; но она молчала и все, что слышала, таила в сердце, никому ничего не сообщая»[21]. Эти свидетельства, не могущие быть основанными на личных наблюдениях Массы, базировались, вероятно, на толках и слухах, все еще циркулировавших в русском обществе и переживаемых им даже полтора-два десятилетия спустя после смерти царевича в Угличе и пожара Москвы.

Жак Маржерет, составивший в начале XVII в. ценные записки о России, также указал, что пожар начался ночью. В его изложении действия злоумышленников связывались с недавней трагедией в Угличе. Маржарет видел в поджогах попытку Бориса Годунова отвлечь внимание населения от нежелательных пересудов и, возможно,– всплеска народных волнений. Согласно Маржерету, царский шурин распорядился поджечь в разных местах и на окраинах главные купеческие дома и лавки («boutiques & maisons»), чтобы наделать «хлопот» до тех пор, пока волнение горожан немного пройдет и «умы успокоятся» («Boris, estant adverty de tout, fit mettre la nuit le feu aux principalles boutiques & maisons des marchans, & d'autre part en divers lieux pour leur tailler de la besogne iusqu'à ce gue la r'humeur fust un peu passée et les esprits rassis...»)[22].

Тема поджогов, возникших как средство увести население от политических проблем в сторону острых бытовых[23], прослеживается и в сообщениях других иностранцев, писавших о России конца XVI в. Так, Конрад Буссов прямо говорил о поджогах, совершенных эмиссарами Бориса Годунова для того, чтобы «...каждый больше скорбел о собственном несчастье, нежели о смерти царевича»[24]. Согласно «Московской хронике» Буссова, «...правитель подкупил... нескольких поджигателей, которые подожгли главный город Москву во многих местах, так что на

[21] *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 37.

[22] *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, чл.-корр. РАН П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 53; ср. перевод: «...Борис велел поджечь ночью самые богатые лавки, купеческие дома, а также дома в разных местах, чтобы наделать им хлопот вплоть до того времени, как ропот немного стихнет и умы успокоятся...» (Там же. С. 125).

[23] См. также: *Устрялов Н.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. С. 256.

[24] *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 37.

обоих берегах реки Неглинной сгорело несколько тысяч дворов...»[25]. И. Масса утверждал, что «Борис приказывал поджигать в разных местах, и так три или четыре раза, и каждый раз сгорало более 2000 домов, и все поджигатели были подкуплены Борисом»[26]. Согласно составленным Массой запискам, Годунов предпринял комплексные меры для пресечения нежелательных для своей особы слухов. Во-первых, он нагнал страха на население масштабными мерами репрессивного характера («...и многих из них приводили к нему, и он, угрожая позорной смертью, приказывал сажать их по разным тюрьмам»); во-вторых, Годунов «послал воеводами в пограничные города несколько человек, которые лживо писали, что крымский хан с большим войском снова готовится вторгнуться в страну, и посылали письма с такими вестями в Москву». В итоге цель была достигнута, хулители Годунова «оставили все подозрения, так что каждый был занят собственным горем и бедствием и, забывая о всех других делах, оплакивал только свои». Вопрос о гибели царевича Дмитрия в Угличе потерял свою остроту и отошел на второй, если не на третий план[27]. Именно в 1591 г. Борис Годунов сделал крупное денежное пожертвование Соловецкому монастырю[28], словно благодаря бога за что-то, либо замаливая свои грехи.

Таким образом, мы видим по крайней мере три группы свидетельств, в которых отразились 1) официальная точка зрения на пожар Москвы, якобы возникший в результате действий Нагих, нанявших «поджигальников»; 2) слухи и пересуды, записанные иностранцами или воспроизведенные ими со слов соотечественников, в которых пожар связывался с происками Бориса Годунова; 3) слухи о том, что «зажигали Годуновых люди», зафиксированные литературными источниками русского происхождения (в том числе летописями и публицистическими сочинениями); 4) представления о связи пожаров с недавней гибелью царевича Дмитрия в Угличе, но без возложения вины за это на Нагих или Годунова. В источниках 2-й и 3-й группы также четко обозначена связь пожаров в Москве с угличской трагедией 15 мая.

Итак, в сохранившихся описаниях пожар Москвы мая-июня 1591 г. выглядит внезапно разразившейся катастрофой и так или иначе в грамотах и нарративных источниках (включая памятники летописания) связывается с Нагими и гибелью царевича Дмитрия. Особняком стоят записи за май 7099 (1591) г. Разрядных книг (РК) 1475–1605 гг., а также РК 1577–1606 и 1577–1616 гг. Из них следует, что угроза пожаров возникла в Москве еще до гибели царевича Дмитрия, а именно в начале мая 1591 г. Так, уже 7 мая были предприняты меры

[25] *Буссов К.* Московская хроника // Хроники Смутного времени: Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». М., 1998. С. 12–13.

[26] *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 37.

[27] Там же.

[28] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. актовых книг. Ф. 2. № 125. Л. 22.

охранительного характера, когда по всем местам Москвы «в объезде для огня и для всяково воровства» были поставлены специальные люди[29]. Башмаковская РК датирует первое распоряжение Разрядного приказа даже не 7, а 2 мая 1591 г.[30] Эта запись воспроизведена также в наиболее ранних списках РК 1577–1606 гг.[31] и РК 1577–1616 гг.[32] На улицах Москвы появились военные отряды, патрулировавшие город. Охрана города от огня была поручена кн. В. П. Туренину, А. Ф. Головину, кн. В. Г. Звенигородскому и др. Эрмитажная РК свидетельствует о том, что наряду с мерами «для огня», объявленными к исполнению 7 мая, правительством Годунова подверглись пересмотру и некоторые сделанные в это время назначения. Так, кн. И. Д. Шестунов, назначенный на объезд в Китай-город, попытался местничать с В. П. Трубниным, но был отстранен от службы и заменен А. Годуновым[33]. Утверждение разряда «для огня» в первых числах мая 1591 г. как будто позволяет заключить, что московское правительство решительно и загодя готовилось к пожарам. Означает ли это, что ни смерть царевича Дмитрия в Угличе, ни происки злокозненного Бориса Годунова не были причиной страшных пожаров, случившихся в Москве совсем скоро, во второй половине мая 1591 г.?

Первые крупные очаги возгорания в столице возникли, согласно РК 1475–1605 гг., еще 14 мая, т.е. за день до гибели царевича. В качестве причины пожара определенно назывался поджог («зажгли»): «Того же лета мая в 14 день Москву на Орбате у Ивана Милославсково колымажный двор и в иных в трех местех. А выгорело до Неглинной»[34]. И. А. Голубцов приводит сведения о московских пожарах, содержащиеся в списках РК XVII в., в одном из которых в качестве даты пожаров указано 4 мая, а в другом – «29 мая в 4 часу дни». При этом ученый обратил внимание, что «...выписки из разрядных книг, сохранившиеся в портфелях Миллера (портф. № 155, ч. 5), дают обе эти даты без попытки их согласования, причем вторая приведена с измененным указанием часа пожара в конце известия и имеет вид глоссы, введенной в самый текст, получивший такой вид: "Того же лета маия в 4 день зажгли Москву на Арбате у Ивана Милостивого Колымажников двор и в иных трех местех и выгорело до Неглинны, в 29 день в 8 часу дня"»[35].

В РК 1550–1636 гг. известие о московском пожаре помещено после

[29] Разрядные книги 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина; под ред. В. И. Буганова. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 202–203.

[30] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. рукописных книг. № 93. Л. 734 об.–735.

[31] НИОР РГБ. Собр. Горского. № 16. Л. 314

[32] ГИМ. Собр. Уварова. № 594. Л. 383 об.

[33] Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 115. № 93. Л. 734 об.–735; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 193. Примеч. 18.

[34] РК 1475–1605 гг. С. 202–203.

[35] *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих. С. 57. Примеч. 5.

сообщения о гибели царевича Дмитрия и после записи о посылке следственной комиссии в Углич («Тово же году в мае убит на Углече благоверный царевич князь Дмитреи Иванович... А убили ево Никита Качалов да дьячей сын Данилко Бетиговской, а их за воровство побили каменьем миром. И государь посылал на Углеч про царевичеву смерть сыскивать из властей Крутицкого митрополита Голасею да боярина князя Василья Ивановича Щуйского, да околничева Ондрея Петровича Клешнина, да думнаго дьяка Елизарья Вылузгина»[36]). Датой пожара названо 29 мая, причем указано, что «зажгли в четвертом часу дни и до десятова часу, и погорело»[37].

Дата «29 мая» в некоторых списках разряда 7099 г. нуждается в дополнительных комментариях. Авраамий Палицын сообщает, что поджоги произошли «...в субботу пятидестную... в полудне»[38]. Вероятно, такое определение времени начала пожаров было истолковано как указание на следующую субботу после празднования Троицына дня, которая приходится на седьмое воскресенье или на 50-й день после Пасхи. Пятидесятница (Троицын день) праздновалась в 1591 г. 23 мая[39], следовательно, следующая по Пятедесятнице суббота пришлась на 29 мая. Однако такая интерпретация даты Авраамия Палицына вряд ли верна. Скорее всего, Палицын указал не на 29, а на 22 мая, т.е. на субботний день, предшествующий Троицыну дню[40]. Царская грамота на Чусовую определенно сообщает, что «зажигалники» подожгли «на Москве за Неглинною посад» в следующий после Троицына дня день, т.е. 24 мая: «нынешнего 99-го году на завтрее Троицына дни в понеделник...»[41] Именно эту дату начала московских пожаров принимал как наиболее достоверную И.А. Голубцов[42]. Нет оснований сомневаться в ее точности и у нас.

На запись о пожаре в РК 1550–1636 гг., вероятно, повлиял текст Сказания Авраамия Палицына. Именно этим влиянием следует объяснить происхождение даты «майя в 29 день». Кроме того, и в Сказании, и в РК 1550–1636 гг. говорится о насильственной смерти царевича Дмитрия («заколен бысть»; ««убит на Углече»), известие о пожаре Москвы помещено после сообщения о гибели царевича Дмитрия и соотнесено с известием о поездке царя Федора Ивановича с царицей Ириной на Троицу (23 мая) на богомолье в Троице-Сергиев монастырь.

[36] РК 1550–1636 гг. М., 1975–1976. Т. 1–2.

[37] Там же.

[38] Сказание Авраамия Палицына. С. 102.

[39] Пасху в 1591 г. отмечали 26 апреля.

[40] В таком понимании даты А. Палицына (22 мая) не сомневался и Н.М. Карамзин – см.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского / репринт. изд. И. Эйнерлинга (СПб., 1843). М., 1980. Кн. 3. Т. 10. Стб. 83.

[41] *Голубцов И.А.* «Измена» Нагих. С. 70.

[42] Там же. С. 57, 70.

Таблица 1

Известия о пожаре Москвы в «Сказании» Авраамия Палицына и в РК 1550–1636 гг.

Известие о пожаре Москвы в «Сказании» Авраамия Палицына	Известие о пожаре Москвы в РК 1550–1636 гг.
...Егда же заколен бысть той незлобивый агнец Димитрий царевичь, тогда весь град Углечь возмятеся и, емше убийц его, Данилка Битяговского, Никитку Качалова и самого Михаила Битяговского, смерти предашя...	**Т**ово же году в мае (–же 99-го. Майя в день *А*.) убит на Углече благоверный царевич князь Дмитреи Иванович сын великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца. А убили ево Никита Качалов да дьячей сын Данилко Бетиговской, а их за воровство побили каменьем миром.
И в лето 7099-е царь и великий князь Федор Ивановичь всея Русии пойде в дом пресвятыя живоначалныя Троица. И бывшу ему во обители Сергиа чюдотворца в самый праздник великиа Пятьдесятница, в царьствующем же граде Москве в суботу пятьдесятную всем сущим христианом память, иже от века усопшим, совершающим; и абие в полудне в Чертольской улице напрасно возгореся колымажной двор и потом Арбацкаа улица и Никитцкаа и Тверскаа и Петровскаа и до Трубы и града Белово камяново кровля вся и за городом Посольской двор и Стрелецкие слободы. И тако все Занеглинение вскоре погоре, и множество святых церквей со всякою святынею и православных христиан всякого возраста згорешя множество много...	**И** государь (государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии *А*) посылал на Углеч про царевичеву смерть сыскивать из властей Крутицкого митрополита Голасею да боярина князя Василья Ивановича Щуйского, да околничева Ондрея Петровича Клешнина, да думнаго дьяка Елизарья Вылузгина. **Т**ово же году майя в 29 день был на Москве пожар, выгорела за Неглинною все дворы (дворы по *А*), Пушешной двор и по Неглинну. А зажгли сперва на Арбате Колымажников двор и в ыных во многих местех зажгли в четвертом (*на нижнем поле светлыми чернилами и другим почерком написано* Звенигоротцкой с Фомою Головиным розведен) часу дни и до десятова часу, и погорело. А государь (государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии А) в те поры был и с царицою у Троицы в Сергиеве монастыре в вешнем походе. Да и после тово во многих местех пожары были.

Расхождения в датах начала пожаров Москвы, имеющиеся в разных списках разрядных книг, по всей видимости, отразили путаницу в позднейших представлениях об этом событии, связанную как с позднейшей интерпретацией записи даты, так и с осмыслением сведений о праздничных датах (Пятидесятница, Троицын день, «...в субботу пятидестную»), имеющихся в разных источниках. Как известно, официальные РК не сохранились. Ошибочные и неточные сведения датирующего характера о пожаре 1591 г. включены в разряд 7099 г. частных РК конца XV – начала XVII в.[43] Очевидно недостоверны и имеющиеся в них «ранние» даты московских пожаров (2, 7 и 14 мая): в источниках, более или менее синхронных этим событиям, известия пожарах следуют за сообщениями о гибели Дмитрия Угличского, а не предшествуют им. Царская грамота на Чусовую от 28 мая 1591 г. вообще ставит точку в этом вопросе, указывая на понедельник, 24 мая в качестве начальной даты пожаров.

[43] *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги последней четверти XV – начала XVII вв. М., 2005.

Таблица 2

Сведения источников о пожаре в мае-июне 1591 г. в Москве

Время пожара (или очередность событий)	Места возгораний	Сведения о причине пожаров и указание виновности
1. Разрядная книга 1475-1605 гг.		
«А в иной книге пишет, что были тово же 99-го году в объезде для огня и для всяково воровства, оберегали...» «...Тово же лета майя в 14 день зажгли Москву...»	«...зажгли Москву на Орбате у Ивана Милославсково колымажной двор и в ных в трех местех, а выгорело до Неглинны...»	«...всякое воровство...», «...зажгли Москву...»
2. Записки Дж. Горсея (ок. 1591-1626 гг.)		
«...был убит царевич Дмитрий. А четырьмя днями раньше...»	«...были подожжены окраины Москвы и сгорело двенадцать тысяч домов...»	«...Стража Бориса захватила добычу, но четверо или пятеро подкупленных солдат (жалкие люди!) признались на пытке, и было объявлено, будто бы царевич Дмитрий, его мать царица и весь род Нагих подкупили их убить царя и Бориса Федоровича и сжечь Москву. Все это объявили, чтобы разжечь ненависть против царевича, его матери и их семьи. Но эта гнусная клевета вызвала только страшное отвращение у всех. Бог вскоре послал расплату за все это столь ужасную, что стало очевидно, как он, пребывая в делах людских, направляет людские злодейства к изобличению...»
3. «Состояние Российской империи» Жака Маржерета (не позднее 2 марта 1607 г.		
«Достигнув Москвы, новости [о гибели царевича Дмитрия. – *Л.С., П.Б.*]» породили многие толки, о них шептали и судили по-разному...»	«...Будучи извещен обо всем этом, Борис велел поджечь ночью самые богатые лавки, купеческие дома, а также дома в разных местах [Москвы. – *Л.С., П.Б.*]...»	«...чтобы наделать им хлопот вплоть до того времени, как ропот немного стихнет и умы успокоятся. Он лично присутствовал там и распоряжался тушением огня, чтобы создалось впечатление, что его очень занимает нанесенный ущерб. Затем, собрав всех потерпевших и обратившись к ним с длинной речью, чтобы утешить их и выразить сожаление об их потерях, пообещал выхлопотать у Императора некоторое возмещение убытков для каждого, чтобы они могли отстроить дома, и даже пообещал выстроить им каменные лавки, тогда как прежде они были сплошь деревянными. Это он исполнил так хорошо, что каждый остался доволен и почитал счастьем иметь такого хорошего протектора...».
4. «Краткое известие о Московии» Исаака Массы (1610 г.)		
«Когда это известие (о гибели царевича Дмитрия. – *Л.С., П.Б.*) пришло в Москву...»,	«...И так как народ все еще был в большом страхе, вспоминая о недавнем нашествии татар, то Борис приказывал поджигать Москву в разных местах, и так три или четыре раза, и каждый раз сгорало более 200 домов...», и все	«...таким образом он снова навел страх на всю страну; сверх того он послал воеводами в пограничные города несколько человек, которые лживо писали, что крымский хан с большим войском снова готовится вторгнуться в страну, и посылали письма с такими вестями в Москву,

«...Из Москвы послали знатного боярина Василия Ивановича Шуйского (Solscy) и боярина, или господина, Андрея Клешнина (Clesnin) присутствовать при погребении; они осмотрели тело царевича, которого хорошо знали, и собственноручно положили его во гроб в присутствии старой царицы, его матери...»	поджигатели были подкуплены Борисом, и многих из них приводили к нему, и он, угрожая позорной смертью, приказывал сажать их по разным тюрьмам...»	так что повергли всю страну в такой страх, что народ забыл обо всех делах и забыл о смерти или убиении Димитрия; и опасались, что эта измена и эти поджоги учинены татарами, и по причине необыкновенной хитрости Годунова оставили все подозрения, так что каждый был занят собственным горем и бедствием и, забывая о всех других делах, оплакивал только свои. Борис, видя, что все совершается по его желанию, послал московским домовладельцам (huyslieden), дома и имущество которых погорели, много денег, сообразно с потерею каждого, и велел своим друзьям и слугам утешать их, соболезнуя их несчастью, и велел от своего имени весьма ласково утешать их, предлагая свою помощь, сколько он может, и ежели кто хотел обратиться к царю с просьбой, он обещал ходатайствовать за того, что он и исполнял, а сверх того все жалобы, каждодневно подаваемые царю во время его шествия в церковь, а также все прошения Борис принимал, тщательно сохранял и прочитывал, дабы знать, что происходит во всей стране; и все получали милости и ответы от Бориса, чем он так расположил к себе, что о нем говорили повсюду и не могли достаточно нахвалиться им, желая, чтобы по смерти царя он получил корону; этого только он и желал...»
5. «Царство и самодержавие россов» Арсения Елассонского (1611 – после 1619 г., в обработке архимандрита Христофора и архидьякона Неофита)		
«В шестой год... царствования (Федора Ивановича. – *Л.С., П.Б.*)... В том же году сердце великого боярина Годунова Бориса возгорелось желанием к царствию, и тайно, без согласия царя, послав в город Углич, где находился под надзором брат царя Димитрий Иванович, убили его, и, когда происходило замешательство, были убиты и многие другие...»	«В том же году сгорела большая часть Москвы...»	«В том же году, при содействии Бориса, как говорили многие, явился на Москву хан татарский ради беспокойства царя и всего народа, дабы не было расследования о смерти брата его Димитрия...»
6. «Московская хроника» Конрада Буссова (март 1612 г.)		
«...перерезали царевичу горло в Угличском кремле...»	«...правитель подкупил также несколько поджигателей, которые подожгли главный город Москву во многих местах, так что на обоих берегах Неглинной сгорело несколько тысяч дворов...»	«а сделано это было с той целью, чтобы одна беда перебила другую и каждый больше скорбел бы о собственном несчастье, нежели о смерти царевича...»

7. «Сказание» Авраамия Палицына (ранее 1618 г.)		
[29 мая] «...в самый праздник великиа Пятьдесятница,... в субботу пятьдесятную, ... в полудне...»	«...в Чертольской улице напрасно возгореся колымажной двор и потом Абацкаа улица и Никитцкаа и Тверскаа и Петровскаа и до Трубы и града Белово камяново кровля вся и за городом Посольской двор и Стрелецкие слободы. И тако все Занеглинение вскоре погоре...» (с. 102); «...и таковый пожар бысть не во единой Москве, но во многех градех и посадех...» (с. 103)	«...Напрасно возгореся...»
8. «Историческое повествование» Элиаса Геркмана (ок. 1625 г.)		
«...До двора, находившегося в Москве, дошло известие [об убиении царевича]. Царь Феодор Иванович также услышал о том, что его брата не стало, что убийца погиб, вследствие чего не назначили следствия по этому делу. Тогда его ц. в-о (таков его титул) назначил день, в который он хотел отправиться в Углич, дабы здесь, по русскому обычаю, оплакать умершего брата перед его погребением. Князь Борис Феодорович стал думать и опасаться, что царь, по приезде своем в Углич, не признает в убитом своего брата, что [дело о царевиче] будет подвержено дальнейшему розыску и исследованию. Так как [Борис] предвидел, что ему не представится случая овладеть бежавшим Димитрием и убить его, то он решился помешать его ц. в-у совершить предположенную им поездку и, прибегнув к описанному ниже обману, задержать его...»	«...Борис объявил, что татары, бывшие в это время врагами русских, идут с огромными силами на Москву, грабя и опустошая землю и нанося жителям страны чрезвычайный вред. За день до отъезда царя в Углич вышепомянутый боярин Борис Феодорович велел во время хорошей погоды, в полдень, поджечь город Москву с четырех сторон, так что жители в этот день понесли огромные потери, и распустил слух, что виновниками этих пожаров были поляки — враги [москвитян]...»	«...Несмотря на это его ц. в-о хотел отправиться в путь на другой же день. Шурин Борис Феодорович, сопровождавший царя, провел его по всем улицам и дорогам, на которых погорельцы поражали зрителя своею страшною бедностию и несчастием, крайне докучали своими криками, воплями, жалобами и молили, по случаю понесенных ими потерь, о помощи, милостыне и милосердии. Это так тронуло добродушного царя, что у него от сострадания и горя полились слезы из глаз. Поэтому он, по совету своего шурина Бориса Феодоровича, на время отложил свою поездку и озаботился раздачею милостыни несчастным погорельцам. Так как царь не прибыл в назначенный день в Углич, то здесь приступили к погребению мнимого царевича, которого, таким образом, его ц. в-о не мог ни видеть, ни оплакать...»
9. «Временник» Ивана Тимофеева (ранее 1627–1628 гг.)		
«...смерть государя царевича Дмитрия Ивановича... Приход крымского под Москву... занеглинескои пожар..., все делалось в одно время, в одних неделях и днях»	«...занеглинескои пожар...»; «...иже обонпол Неглинны реки бывшее...»	«Борисовы зажигальники»; «внезапное пожжением запаление...» «...умыслительным повелением»

10. Новый летописец (ок. 1630 г.)		
Того же месяца июня по убиении царевича Дмитрея...	«...Бысть пожаръ на Москве велми, загореся в Чертолье, и выгоре Белои городъ весь отъ Чертолскихъ воротъ по самую Неглинну; не токмо что дворы, ино и въ церквахъ каменныхъ все погоре. После же тово немного спустя загореся на Покровке и горело до Покровки и выгорело много дворов»	«...посла Богъ его праведного кровь на насъ, грехъ ради нашихъ, беды и скорби и печали многие...»

Тем не менее, очевидна неполнота сведений о пожарах в сохранившихся официальных источниках. При том, что царская окружная грамота на Чусовую 28 мая 1591 г. отразила итоги некоторых розыскных действий по поджогам, а грамота Р. М. Дурову апреля 1592 г. прямо на них указала («...и то сыскано, и приговор... учинен»), документы следствия по этому делу не сохранились. Поэтому уверенно судить о материалах, которые использовались правительством Годунова для доказательств причастности Нагих к поджогам («подуровали было мужики воры и Нагих Офонасья з братьею люди») нельзя. И. А. Голубцов, а вслед за ним и А. А. Зимин обратили внимание на то, что в официальной версии Посольского приказа (наказ Даниле Меньшому Исленьеву) уже не говорилось об участии Афанасия Нагого в поджогах, хотя и указывалось, что «поворовали» не только его мужики, но и его «братии»[44].

А. А. Зимин видит «труднообъяснимые странности» официальных документов и в том, что в грамоте на Чусовую содержится ссылка не на показания зачинщика поджогов Ивана Михайлова, а на слова подкупленных им исполнителей – Левки Банщика с товарищами[45]. Однако, как нам кажется, противоречий в этом нет. Во-первых, перед нами не материалы следствия, представляющие сколько-нибудь полную картину расследования, а официальная грамота, суммирующая его результат. 2 июня 1591 г. царю Федору и Освященному собору наряду с итогами следствия была зачитана челобитная Русина Ракова, не только как представителя угличской администрации, но и как участника (возможно, невольного, но виноватого) мятежа Нагих. Мятежа, организатором которого Раков, безусловно, не был, но чьи свидетельства были особенно значимыми для следствия. Иными словами, показания одного из исполнителей преступной воли Нагих, сформулированные в его челобитной, зачитывались наряду с его расспросными речами, содержащимися в Следственном деле. Показания же инициаторов мятежа (Михаила и Григория Нагих),

[44] РГАДА. Ф. 79: Дела Польского двора. № 21. Л. 206–206 об. (наказ Д. Исленьеву, ранее 17 июля 1591 г.); *Анпилогов Н. Г.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 43 (Выписки из статейного списка посольства Павла Волка и Мартина Сушского, наказ Р. Дурову 1592 г.). См. также: *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих. С. 70; *Зимин А. А.* В канун. С. 176; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 84.

[45] *Зимин А. А.* В канун. С. 176.

напротив, ограничены только расспросными речами и никакими дополнительными документами, которые могли бы быть представлены властям, не сопровождались. Во-вторых, степень вины непосредственного исполнителя преступления (т.е. зажигальников Левки Банщика с товарищами) в правовом отношении оценивалась выше, чем вина подстрекателя и пособника (слуга Нагих Ивашка Михайлов). Заказчик же преступления (Афанасий Нагой) должен был нести равную (если не бóльшую) с исполнителями поджогов вину. В этом контексте совершенно понятна ссылка в царской грамоте на слова Левки Банщика и других «зажигальников», а не на Ивана Михайлова.

Ко второй и третьей группе источников о пожарах в Москве примыкает свидетельство одного из поздних памятников новгородского летописания, сохранившегося в составе летописного сборника Николо-Дворищенского монастыря. В нем рассказ о событиях весны-лета 1591 г. в Угличе и Москве дополнен сведениями, которые подтверждения в других источниках не находят, но ярко отражают антигодуновскую линию. Согласно этому летописному памятнику, из Углича в Москву сразу после гибели царевича была направлена грамота, в которой царь Федор Иванович извещался о том, что его единокровный брат был убит «нарочно присланными убийцами». Однако эта грамота будто бы была подменена Борисом Годуновым другой – о самозаклании царевича Дмитрия. Государь «вельми... скорбея» отправился было в Углич[46], однако в Москве по распоряжению Годунова начали действовать поджигатели, дабы отвлечь народ от трагедии 15 мая. Федор Иванович «не разуме коварства сего злохитрого» вынужден был вернуться в столицу: «Уже... брата не воскресиши, а свое здравие больше повредиши, а тем временем на Москве до последней хоромины выгорит, и не к чему будет возвратитися». «На взыскание истины» в Углич были посланы «лутшия мужи» во главе с «первым... боярином» Василием Шуйским[47].

Известие о двух грамотах – первой, сообщающей об убийстве, и второй – о самозаклании – выглядит весьма достоверным и отражает представления угличских властей о причинах гибели Дмитрия. Первые 4 дня после трагедии (включая 15 мая и вплоть до вечера 18 мая), в Угличе безраздельно властвовали Нагие. Именно они объявили, что царевич был злодейски зарезан, и последовательно придерживались этой версии, провоцируя беспорядки в Угличе. Только эта версия о насильственной гибели младшего сына Ивана Грозного и брата царя Федора и могла быть озвучена в грамоте, которая должна была быть послана с гонцом из Углича в Москву царю Федору Ивановичу Нагими.

С. Б. Веселовский полагал, что Нагим, целиком поглощенным в переживания кончины царевича, а затем – погромом в Угличе, было

[46] Летописный сборник, принадлежащий Новгородскому Николаевскому Дворищенскому собору // Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 451.

[47] Там же. С. 451–452.

не до составления челобитной царю Федору[48]. Дьяк Битяговский, осуществлявший контроль над Угличским дворцом и его обитателями и ведавший официальными контактами с Москвой, был убит. Единственной властью, остававшийся в Угличе, был городовой приказчик Русин Раков, «...и несомненно, что именно он должен был послать в Москву отписку обо всем случившемся»[49]. Однако уверенность в насильственной гибели царевича и эйфория недолгой, но власти, на наш взгляд, вовсе не мешали Нагим отправить гонца в Москву и даже напротив, способствовали этому. Скорое прозрение было наполнено мучительным ожиданием наказания за погром, учиненный в Угличе. Не случайно Михаил Нагой попытался оградить Углич разъезжими заставами, дабы никто без его ведома не мог ни покинуть город, ни въехать в него[50].

Приезд пристава Темира Засецкого вечером 18 мая положил конец самоуправству Нагих в Угличе. Не случайно Михаил и Григорий Нагие были так напуганы его появлением, что, склонив к соучастию угличского городового приказчика Русина Ракова, под покровом темноты стали спешно кропить куриной кровью тела «побитых» 15–16 мая угличан и раскладывать на них оружие, которым будто бы был убит царевич Дмитрий. Нагие готовились к приезду Следственной комиссии. До смерти перепуганный своим участием в этой инсталляции, не имевший возможности отказаться от нее, шестикратно приведенный к крестному целованию как «наш», Русин Раков, вероятно, той же ночью с 18 на 19 мая информировал Темира Засецкого о событиях минувшего дня[51]. Этим предположением, на наш взгляд, вполне может быть объяснена мгновенная осведомленность комиссии Шуйского о манипуляциях Нагих с телами «побитых», с оружием и куриной кровью. Работа Следственной комиссии 19 мая началась с того, что были сняты показания с Михаила и Григория Нагих, Русина Ракова и «михайлова человека» Бориски Офонасьева, задействованных в фальсификации улик с куриной кровью. Той же ночью, вероятно, бежал еще один участник этого действа – человек Михаила Нагого Тимоха, а из Углича в Ярославль спешно выехал гонец Нагих к Афанасию Нагому с известием

[48] С. Б. Веселовский писал: «Не невозможно, но весьма маловероятно, чтобы кто-либо из Нагих, например Михаил, послали со своей стороны в Москву челобитную с извещением о событии».– *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России. С. 167.

[49] Там же. С. 167; см. также с. 165–168.

[50] Там же. С. 171.

[51] Однако Засецкого, а затем и Следственную комиссию он информировал не сохранившейся в Следственном деле челобитной, как это предполагали исследователи, а либо устным сообщением, либо какой-то грамотой, текст которой не дошел и, вероятно, если и был, то находился в начальной, ныне утраченной, части дела. Известная челобитная Ракова была подана уже перед отъездом комиссии в Москву не ранее «второго вторника» – т.е. 25 мая, адресована митр. Геласию и написана в надежде на его заступничество перед московскими властями, Освященным собором и лично царем Федором Ивановичем уже тогда, когда следствие в Угличе было закончено.

об отравлении царицы Марьи[52]. Изобличение Нагих в фальсификации улик позволило комиссии Шуйского сделать предварительный вывод о гибели царевича в результате несчастного случая и информировать царя Федора об этом особым сообщением.

Итак, и та, и другая версия событий 15 мая (убийство и самозаклание в результате несчастного случая) нашли отражение в каких-то грамотах, отправленных одна за другой из Углича в Москву. Первая грамота, вероятно, написанная 15 мая, извещала царя Федора о трагедии и излагала версию Нагих о гибели его брата. Она стала тем документом, по получении которого должен был начаться повальный «обыск» в Угличе и сформирована специальная комиссия следователей из Москвы. Вторая грамота была составлена, скорее всего, между 19 и 22 мая[53] (т.е. вскоре после прибытия следователей В. И. Шуйского, но до погребения тела Дмитрия) и содержала первые выводы следствия о самозаклании царевича в припадке «черной болезни падучей».

Не исключено, что вторая грамота, кардинально изменившая представления о характере трагедии и напрочь лишенная сведений о злоумышленниках и убийцах, послужила поводом для новых толков и пересудов. Слух об убийстве маленького царевича был ужасен, не мог не тронуть за живое и мгновенно прокатился по стране. Невероятно трудно было поверить его опровержениям, которые вскоре прозвучали, но уже выглядели жалкой попыткой правительства сокрыть жестокую правду и коварное злодеяние. Не удивительно, что опровержение слуха о насильственной гибели Дмитрия Угличского шло рука об руку с разоблачениями всесильного Бориса Годунова! Как это часто бывает, правда срослась с ложью и родила миф о Годунове – злокозненном убийце невинного младенца и поджигателе столицы. В обстановке тревожного ожидания вторжения крымчаков подобный миф грозил взорваться мощным антиправительным выступлением. Аналогичная ситуация возникла летом 1547 г., когда в поджоге Москвы были обвинены ближайшие родственники молодого Ивана Грозного – Глинские[54].

Вероятно, погребение царевича было отсрочено до 22 мая в связи с тем, что в Угличе ожидался приезд царя Федора Ивановича. Не исключено, что власти долго колебались, решая, до́лжно ли царю Федору присутствовать на похоронах царевича Дмитрия, а также в определении места захоронения, выбирая между царской усыпальницей в Архангельском соборе в Москве и угличским Спасским собором. Как только комиссия убедилась в том, что смерть мальчика не была насильственной, а версия Нагих о его убийстве не находит подтверждения в свидетельствах очевидцев, и как только

[52] Об этом и о состоявшемся затем ночном визите Афанасия Нагого к находившемуся тогда в Ярославле Джерому Горсею см. записки последнего: Rude & Barbarous Kingdom. P. 357. Подробнее о болезни Марии Нагой после гибели сына см.: *Столярова Л. В., Белоусов П. В.* Джером Горсей о событиях мая – июня 1591 г. в Угличе и в Москве // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 461–496.

[53] Повесть об убиении царевича Дмитрия // ЧОИДР. 1864. Кн. 4. Смесь. С. 4.

[54] *Зимин А. А.* В канун. С. 175.

из Москвы сообщили, что государь не намерен посетить Углич и не отдает распоряжений о захоронении царевича в столице, тело царевича было погребено в Спасском соборе. Тревоги по поводу приближавшегося войска Казы-Гирея, напряженная подготовка к пожарам, к которой приступили еще в начале месяца, общая нестабильность во власти подтолкнули московское правительство к решению не перемещать тела Дмитрия в Москву, а похоронить его на месте, в Спасском соборе. Этим решением пытались убить двух зайцев: не провоцировать ненужные слухи, которых и так было достаточно, а заодно похоронить младшего сына Ивана Грозного не как наследника московского престола, а всего лишь как угличского удельного князя.

Царь Федор Иванович и царица Ирина праздновали Троицын день в Троице-Сергиевом монастыре: «И в лето 7099-е царь и великий князь Федор Ивановичь всея Русии пойде в дом пресвятыя живоачалныя Троица. И бывшу ему во обители Сергиа чюдотворца в самый праздник великиа Пятьдесятница,..»[55]. Трудно сказать, когда именно царь покинул Москву, отправляясь на богомолье и где именно – еще в Москве или уже в Троице– его застала весть о гибели царевича Дмитрия. Однако то, что государь не отменил и не прервал поездки, не отправился в Углич (а дорога туда пролегала через Троице-Сергиев монастырь), свидетельствует, по меньшей мере, о его безразличии к младшему брату и абсолютном нежелании рассматривать его гибель как смерть наследника и сколько-нибудь значимое событие[56]. Из Троицы царь вернулся в Москву, по-видимому, уже охваченную пожарами. Известие летописного памятника в составе летописного сборника Николо-Дворищенского монастыря, связавшего неприезд царя Федора в Углич с началом пожаров в столице, вероятнее всего, не корректно. Оно отразило позднейшую интерпретацию событий, в которой государь хладнокровно рассудил, что «брата не воскресиши, а свое здравие... повредиши, а... на Москве до последней хоромины выгорит». Москва запылала через несколько дней после того, как царь Федор был оповещен о смерти младшего брата, и в своем решении не ехать в Углич он ссылаться на пожары никак не мог.

Р. Г. Скрынников, отмечая критическое положение правительства Бориса Годунова в мае-июне 1591 г., когда ожидали вторжения крымского

[55] Сказание Авраамия Палицына. С. 102.

[56] Никаких препятствий к тому, чтобы посетить Углич, кроме очевидного нежелания это сделать, у Федора Ивановича не было. Он охотно путешествовал даже в самое неспокойное для страны время. Так, 21 декабря 1591 года, через неделю после того, как на Выборг против шведов отправились русские полки, Федор Иванович «...на праздник Петра митрополита... ел у патриарха Иова в большой полате», а вскоре отправился на большое богомолье. Государь посвятил себя тому, что на протяжении нескольких месяцев объезжал крупные монастыри. В эту поездку царь Федор побывал в Троице-Сергиевом, Никольском Можайском, Пафнутьевом Боровском и в звенигородском Саввино-Сторожевском монастырях. Столица вновь увидела его лишь на Вербное воскресенье (Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 286–287, 289; ПСРЛ. Т. 4. С. 44–45; см. также: *Володихин Д. М.* Царь Федор Иванович. М., 2011. С. 123). Складывается впечатление, что в Москве с явным облегчением восприняли весть о кончине царевича.

хана Казы-Гирея и когда запылала деревянная Москва, полагал, что в этой обстановке смерть Дмитрия «была выгодна не столько Борису, сколько его врагам, которые действительно предприняли попытку свергнуть правителя». В этот период колоссального напряжения сил правительства, направленных на преодоление антигодуновских настроений, тенденциозности угличского следствия избежать было невозможно. Его материалы документированы таким образом, что любое упоминание имени Годунова в контексте гибели царевича Дмитрия исключалось. Р.Г. Скрынников предположил, что источником антигодуновских настроений в это время были Нагие, а центр заговора сместился из Углича в Ярославль, где в то время будто бы находился Афанасий Федорович Нагой. Зная о критическом положении в Москве, они рассчитывали поднять «столичное посадское население»[57]. Слухи о поджоге Москвы по приказу Бориса Годунова распространялись по Москве с молниеносной быстротой. Арсений Елассонский писал, что о виновности Годунова в то время «говорили многие». По словам Маржарета, весть о смерти Дмитрия породила в Москве разные толки, народ роптал. В столице «тайно шептали, что все устроено Годуновыми». Говорили об «измене» Годуновых и их стремлении овладеть троном. Царь Федор был испуган: при дворе «опасались смуты и сильного волнения в Москве»[58]. Восстание грозило обернуться для Бориса Годунова катастрофой.

Среди родственников царицы были два Афанасия[59] – двоюродный дядя царицы, сын Александра Михайловича Нагого, и родной ее дядя Афанасий Федорович Нагой (сослан в Ярославль в 1584 г.). Джером Горсей указал, что ночью к нему явился брат царицы: «I saw by moonshine empress brother, Afanasii Nagoi, the late widow empress, mother to the young prince Dmitrii» («Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата покойной (бывшей?) вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия»). Брата Афанасия у царицы не было. У нее имелись только родные братья Михаил и Григорий и ни одного двоюродного или троюродного брата с этим именем[60]. И.А. Голубцов, а затем В.Б. Кобрин отождествляли Афанасия с Афанасием Александровичем[61].

---

[57] *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. С. 190, 191.

[58] *Устрялов Н.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. С. 256.

[59] Пользуемся генеалогической таблицей рода Нагих, составленной В.Д. Назаровым и являющейся рукописным Приложением к его докладу «Григорий Иванович и Иван Григорьевич Нагие: отец и сын на царской службе», прочитанному 23 мая 2011 г. в РГАДА на Научных чтениях, посвященных юбилею А.Л. Хорошкевич (далее: *Назаров В.Д.* Приложение к докладу).

[60] Двоюродными, трюродными и четвероюродными братьями царицы были восемь представителей рода Нагих: Иван Семенович, Петр Афанасьевич, Андрей Андреевич, Александр Михайлович, Василий Михайлович, Богдан (Стефан) Михайлович, Никифор Иванович и Гаврило Иванович. Оба известных Афанасия Нагих – Афанасий Федорович и Афанасий Александрович – приходились ей дядьями, а не братьями: они были сыновьями Федора Михайловича и Александра Михайловича Нагих (*Назаров В.Д.* Приложение к докладу).

[61] *Голубцов И.А.* «Измена» Нагих. С. 58; *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 88.

Впервые Афанасий Александрович Нагой упоминается в разрядных книгах под 7089 (1580) г. среди лиц, присутствовавших на «государеве свадьбе»[62] с Марией Нагой, когда он «на жеребце государеве у подклете ездил»[63]. Следующее упоминание его находим в разряде за ноябрь 7093 (1584) г.: «...в сторожевом [полку] – воевода на Михайлове Офонасей Олександрович Нагово»[64]. Вскоре после смерти Ивана Грозного Афанасий оказался воеводой в Новосили – одном из укрепленных пунктов оборонительной линии на южных рубежах Московского государства. Первое упоминание его в этом качестве находим в разрядах за февраль 7093 и за сентябрь 7094 (1585) г.: «...в Новосили – воевода Офонасей Олександров сын Нагово...»; «...в сторожевом полку бысть сходну воеводе с Ефимом Вахромеевичем Бутурлиным из Новосили – Офонасью Олександрову сыну Нагово...»; «...в Новосили воевода Офонасий Олександров сын Нагово да Григорей Ушаков...»; «...в большом полку – ис Пронска воеводе князь Олександру Жировому Засекину, из Новосили – воеводе Офонасью Олександрову сыну Нагово да голове Григорею Ушакову...»[65]. После 1585 г. Афанасий Александрович Нагой из разрядных книг исчезает. Однако очевидно, что в 1591 г. в Новосили его уже не было. Так, уже в 1585/86 г. наместником в Новосили указан кн. Иван Юрьевич Морткин, а воеводой – кн. Юрий Григорьевич Тутолмин[66]. В Разряде 7099 (1591) г. значатся «...в Новосиле воевода Яков Михайлович Годунов да голова князь Михайло Петров сын Волконской...»[67]. Однако Афанасий Александрович Нагой был жив еще в 1608 г., когда давал вкладом в Троице-Сергиев монастырь «чюгу золотую по лазоревой земле»[68]. При этом известно, что в 1602/03–1603/04 гг. Афанасий Александрович был «на Уфе... в ряду». Где Афанасий Александрович находился с 1585/86 по 1602/03 гг. (между Новосилью и Уфой), мог ли он оказаться в 1591 г. в Ярославле и быть знакомцем Джерома Горсея, чтобы ночью вскоре после трагедии в Угличе обратиться к нему за помощью для якобы отравленной царицы Марии, не ясно.

В пользу того, что ночным визитером Горсея был именно он, как будто говорит тот факт, что, будучи примерно одних лет с Марией Федоровной Нагой, он скорее мог показаться Горсею ее «братом». Однако он вряд ли

[62] РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 1. Л. 728 об. С. 173.

[63] Там же. Л. 730 об. С. 173.

[64] РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. Л. 799. С. 48.

[65] Там же.

[66] РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. Л. 824. С. 85.

[67] Там же. Л. 896. С. 192.

[68] «Чюгой» в России называли узкий кафтан. Пожалованная А. А. Нагим «чюга золотая» впечатляла своей роскошью («по лазоревой земле, в травах шолк червчат черн, бел, подложена отласом червчатым, подпушена отласом зеленым, за 35 рублев...»). Вклад состоялся 1 июля 1608 г. – См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 70.

был среди угличских Нагих, поскольку принадлежал к числу двоюродных, а не прямых родственников царевича по линии его матери. В Угличе вместе с царевичем Дмитрием и его матерью в мае 1591 г. находились родные братья царицы Михаил и Григорий Федоровичи Нагие с семьями, а также ее дядя Андрей Александрович с женой Зиновией и дочерью, имя которой неизвестно. Скорее всего, в Углич отъехал и Федор Федорович Нагой. Однако он умер ранее 7 декабря 7099 (1590) г., когда его сыновьями Михаилом и Григорием был сделан вклад по его душе, и в событиях мая-июня 1591 г. не участвовал[69].

Ряд ученых полагает, что ночным визитером Горсея был царицын дядя Афанасий Федорович, названный ее «братом» по ошибке. Такой версии придерживались, например, Р. Г. Скрынников, А. А. Зимин, М. Перри и новейший издатель Записок Горсея А. А. Севастьянова[70]. Однако Л. Берри и Р. Крамми, сославшись на «Русскую родословную книгу» А. Б. Лобанова-Ростовского и «Русский биографический словарь», заметили, что Афанасий Федорович Нагой умер в Ярославле еще в 1585 г.[71]. В. Д. Назаров в статье «Нагие» указывает в качестве даты смерти Афанасия Федоровича 1585 г.[72] Берри и Крамми предположили, что Горсей перепутал имя приезжавшего к нему Нагого: им был не Афанасий, а Андрей[73]. Однако неизвестно, был ли Горсей знаком с Андреем Александровичем Нагим и решился ли бы тот покинуть Углич в столь критический момент. К тому же на следствии А. А. Нагой говорил, что находился при теле царевича «неотступно». Как же он мог при этом ездить в Ярославль до 22 мая, когда погребение Дмитрия еще не состоялось?

Между тем Афанасий Федорович Нагой был жив в 1588 г. 21 декабря 1588 г. он пожертвовал Троице-Сергиеву монастырю 50 руб. по душе своего умершего сына Петра[74]. Петр Афанасьевич Нагой упоминается в разрядах в 1578–1583 г. На свадьбе Ивана Грозного с Марией Нагой на «окольничьем месте сидели» ее отец Федор и дядья Семен, Афанасий и Андрей

[69] Запись от 7 декабря 7099 (1590) г. гласит: «...дали вкладу Михайло да Григорей Федоровичи Нагие по отце своем Федоре Федоровиче денег 50 рублев...» (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 70). Напомним, что перемещение в Углич младших братьев государей формально не было чем-то выдающимся: туда же в свое время на удел были отправлены брат Василия III Дмитрий Иванович Жилка (1481–1521) и брат Ивана Грозного Юрий (Георгий) Васильевич (1532–1563).

[70] *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 188; *Он же.* Борис Годунов. М., 1983. С. 82–84; *Зимин А. А.* В канун. С. 169; *Perrie M.* Jerome Horsey's Account... P. 40; *[Севастьянова А. А.]* Комментарии // *Горсей Д.* Записки. С. 204–205, примеч. 251–252.

[71] Rude & Barbarous Kingdom. P. 375, note 5.

[72] СИЭ. М., 1966. Т. 9. Стб. 871.

[73] Rude & Barbarous Kingdom. P. 375, note 5.

[74] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 70. Л. 234; *Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 247, 348. № 3423.

Федоровичи Нагие, а также троюродный дядя Иван Григорьевич (л. 729). Из родственников невесты наиболее обласканным оказался тогда ее брат Михаил Федорович. Он значится рындой «з другим саадаком», а рындой «с сулицею» – двоюродный брат Марии Федоровны Петр Афанасьевич Нагой (л. 736). Тогда же вместе с Н. Я. Бельским двое Нагих – все тот же Михаил Федорович и Федор Афанасьевич – держали государев «колпак» (л. 729 об.). Быть «з государем... в мыльне» из Нагих удостоился только родной брат невесты – Михаил Федорович (л. 730)[75]. Как и все представители клана Нагих, Петр Афанасьевич исчез с ответственных постов после смерти Ивана Грозного[76]. Вероятно, последние четыре года жизни Петр Нагой провел в опале.

По мнению Р. Г. Скрынникова, Афанасий Федорович был в 1591 г. не только жив, но и являлся одним из самых деятельных участников политической борьбы 1590-х годов, превратившим Ярославль едва ли не в центр антигодуновского заговора[77]. А. Л. Станиславский и С. П. Мордовина полагали, что А. Ф. Нагой «умер около 1593 г.»[78]. Это утверждение сопровождалось

[75] РК 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 85, 171, 181; Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 22.

[76] В РК 1475–1605 гг. упоминаются Афанасий Федорович (л. 632 об., 633, 658 об., 660, 660 об., 674, 681, 682 об., 686, 689, 729, 731 об., 735 об.), Афанасий Александрович (л. 730 об., 799, 801–802, 815, 815 об.), Андрей Федорович (л. 637 об., 659 об., 676, 729, 736 об., 777 об., 780 об.), Андрей Александрович (л. 729 об., 780 об.), Михаил Федорович (л. 675 об., 729 об., 730, 736), Михаил Александрович (л. 728 об., 729, 780 об., 785, 798 об., 810). В 1599–1604 гг. Михаил Нагой воеводствовал в Царевосанчурске, где, вероятно, находился вплоть до прихода Лжедмитрия I в Северские города. Он признал в Лжедмитрии своего чудом спасшегося племянника и был пожалован им в бояре и конюшие. Лишен звания конюшего царем Василием Шуйским. Был участником неудачной битвы правительственных войск с И. И. Болотниковым и П. П. Ляпуновым при с. Троицком. В 1607 г. по поручению Шуйского ездил в Елец с письмом инокини Марфы (царицы Марии Нагой) и образом Дмитрия Угличского для подтверждения смерти царевича. В 1608 г. участвовал в отражении осаждавших Москву тушинцев. В числе других воевод в 1609 г. защищал Москву от поляков и сторонников Лжедмитрия II (см.: *Лихач Е.* Нагой Михаил Федорович // Русский биографический словарь. СПб., 1914; *Голубцов И. А.* «Измена» Нагих. С. 63). Михаил Федоович Нагой скончался ранее 7 марта 1612 г., когда его женой Федосьей был сделан вклад по его душе. Пожертвования передавались в три приема. Сначала Троице-Сергиеву монастырю были пожалованы 49 руб., 7 ал. 2 д.; позднее к этой сумме Федосья добавила 20 руб., а затем еще 100 руб. и дорогой «отлас»: «...и всего по Михайле Федоровиче 169 рублев да отлас золотной по зеленои земле» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 70). Сведения о службе другого брата царицы – Григория Федоровича Нагого – в РК 1475–1605 гг. отсутствуют. В 1603–1604 гг. он жил «в ряду» (был не у дел) при своем брате Михаиле. Григорий Нагой умер ранее 20 апреля 7115 (1607) г., когда по нему дала вклад в размере 65 руб. его теща Ирина Клешнина (см.: РК 1475–1605. М., 1984. Т. 3. Ч. 1 [л. 629–768; годы: 7086–7090]; То же. М., 1987. Т. 3. Ч. 2 [л. 769–923 об.; годы: 7091–7099]; То же. М., 1989. Т. 3. Ч. 3 [л. 925–1033 об.; годы 7100–7105]; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 70).

[77] *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., 1971. С. 188.

[78] *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 180. Примеч. 13.

глухой ссылкой на троицкий синодик[79]. Никаких обоснований своей точки зрения авторы не давали. О дате смерти А. Ф. Нагого или о каком-либо вкладе по его душе сведений нет. В последнее время С. М. Каштанов занимался отождествлением лиц, упомянутых в указанном синодике до и после Афанасия Нагого[80]. Ниже приводятся его наблюдения и выводы.

Непосредственно перед Афанасием в синодике названа его жена Татьяна, а перед ней – Александр Борисович Щекин, вклад по которому сделал кн. А. И. Хворостинин 2 февраля 1592 г.[81] Сразу после Афанасия в синодике значится инок Нифонт Хитрово. Возможно, это Никита Васильевич Хитрово. Его вклад в Троицу относится к 1 октября 1559 г.[82], но дата смерти неизвестна. За ним идет Иван Юренев. Это уже деятель XVII в. В боярской книге 1627 г. И. И. Юренев числился среди выборных дворян по Коломне[83]. После Ивана Юренева синодик упоминает инока Паисею Нелединского. Он может быть отождествлен с Петром Михайловым сыном Нелединского, который отдал в Троицу по душе родителей село в Бежецком Верхе. Это произошло в 1571/72 г.[84] Дата смерти самого П. М. Нелединского неизвестна. Если он умер через 20 лет после смерти родителей, его кончину надо отнести к 1591/92 г. Но такое допущение совершенно произвольно.

После Паисия Нелединского в синодике названа инока Маремьяна. Над ее именем сделана надпись: «Ку[рцева] жена [А]л(е)ѯѣевичя, Плещѣева ѠЧина». Вероятно, имеется в виду жена Афанасия (Алексея) Ивановича Курцева, дочь Федора (или Ивана?) Очина-Плещеева Старого. 5 марта 1542 г. Никита Фуников сын Курцов дал в Трице-Сергиев монастырь вкладом «по матери своей Мартемьяне» 49 руб. 30 ал. 2 д.[85] Далее в синодике стоит имя «Захарїа» и над ним надпись «дѣт[и]». Речь идет, по-видимому, о Захарии Ивановиче Очине-Плещееве, по которому его брат Никита дал вклад 26 декабря 1591 г.[86] После Захарии написано «Иванна». Надпись над этим именем не поддается прочтению. Скорее всего, тут могло быть слово «ѠЧины» или «ѠЧина». Это предположение основано, во-первых, на том, что упомянутые в синодике рядом Захария и Иван были братьями. Их брат Никита Иванович Очин-Плещеев делал свой сторублевый вклад не только по Захарии, но и по Иване, о чем прямо говорится в записи от 26 декабря 1591 г. Во-вторых, слово над именем «Иванна» должно было быть связано со словом «дѣти» над именем Захарии. Эти

[79] НИОР РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 27.

[80] Приносим благодарность А. В. Кузьмину за помощь в работе над л. 26 об.–27 Троицкого синодика (№ 41) и С. М. Каштанову за сообщенные наблюдения.

[81] Вкладная книга. С. 87. Л. 307 об.

[82] Там же. С. 105. Л. 377; Кормовая книга. С. 131, 286, 347. № 824, 3403.

[83] Боярская книга 1627 г. / подгот. текста и вступ. статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина; под ред. и с предисл. В. И. Буганова. М., 1986. С. 124. Л. 389 об.

[84] Вкладная книга. С. 143. Л. 549 об.; Кормовая книга. С. 315, 369. № 192, 1599.

[85] Вкладная книга. С. 68. Л. 226 об.; Кормовая книга. С. 306. № 1386.

[86] Вкладная книга. С. 42. Л. 118.

два надстрочных слова представляли собой единую надпись, растянутую над двумя словами. Отсюда предположение, что надпись в целом гласила «дѣти ꙮчина» или «дѣти ꙮчины».

Следующее лицо, кого предписывается поминать в синодике,– инока Ираида. Надстрочная надпись раскрывает тайну этого имени: «Михаилова жена [Бул]гакова». Во вкладной книге есть запись: «100-го году, октября в 4 день по Орине Михаилове жене Матфеевича Булгакова дал вкладу Петр Васильевич Годунов денег 50 рублев»[87]. Видимо, Ирина Булгакова умерла незадолго до 4 октября 1591 г.

Идентификацию имен можно было бы продолжить, но, кажется, и так теперь понятно, почему Станиславский и Мордовина датировали смерть А. Ф. Нагого временем «около 1593 г.»: некоторые близкие к нему по синодику лица, чья смерть поддается датировке, умерли либо в конце 1591 г., либо в начале 1592 г. Скорее всего, Афанасий Федорович Нагой и его жена Татьяна погибли тоже не в 1593 г., а в 1591–1592 гг., но не до, а после, и, скорее всего, в результате майских событий 1591 г.

Во всяком случае, после того, как стало ясно, что 1585 г. является ошибочной датой смерти А. Ф. Нагого, намного увеличилась вероятность того, что именно с ним общался Горсей ночью в Ярославле. Поскольку Горсей твердо помнил редкое для английского слуха имя Афанасий, переиначенное им на «Альфонасий» («Alphonassy Nagoie»), это был его хороший знакомый. Только близкий приятель мог явиться к опальному англичанину в неурочное время, неофициально и с расчетом на понимание и сочувствие.

Знакомство Афанасия Федоровича с Горсеем могло быть давним, возникшим еще в связи с матримониальными планами Ивана Грозного в Англии, в которые Нагой был посвящен и участвовал в их реализации в 1582 г. Ошибка в степени родства царицы Марии Федоровны и Афанасия Нагого (дядя назван «братом») в изложении Горсея могла быть связана с одинаковым отчеством дяди и племянницы (оба Федоровичи). Несмотря на то, что англичанин отчества своего визитера не приводит, исключено, чтобы он не знал об этой форме родового имени, принятой в России. Разумеется, Горсей учитывал ее, определяя родство своего визитера с царицей Марией Нагой[88]. Разница в возрасте у детей одного отца (Афанасий Федорович был примерно тех же лет, что и отец царицы Федор Федорович Нагой) могла

[87] Там же. С. 108. Л. 394.

[88] Ср. рассуждения Дж. Флетчера об этом: «...Князья удельные, бояре и воеводы, имеют то преимущество, что к именам их прибавляется «вич», как-то, Борис Федорович и проч., что считается почестью, на которую другие не имеют права. В случае же опущения этого слога при наименовании их они могут искать бесчестие, или штраф, за неуважение на тех, которые не так их назвали» (*Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 69). Сомневаться в том, что и дипломат Горсей был осведомлен об особенностях употребления патронимов в России, также не приходится.

достигать 20-ти и более лет[89] и не должна была смутить Горсея. Он вполне мог полагать, что Афанасий Федорович Нагой – не дядя, а родной брат царицы Марии Федоровны.

Горсей не говорит, что его ночной гость приехал из Углича. Более вероятен другой сценарий: к Афанасию прибыл из Углича доверенный человек Нагих, рассказал ему о случившемся и попросил оказать помощь. После этого Афанасий лично отправился к Горсею. Найти ночью английский двор в Ярославле было бы, наверное, сложно иногородцу, в то время как житель Ярославля, каковым являлся Афанасий Федорович, легко ориентировался в местной топографии. Смерть Афанасия Федоровича Нагого и его жены в конце 1591 или начале 1592 г. говорит о многом. Они могли поплатиться жизнью и за обращение к Горсею, и за связь с угличскими Нагими, и за пожары и беспорядки в Москве накануне нашествия Крымской орды. Если считать ночным визитером Горсея Афанасия Александровича, следует признать, что «измена» приобрела форму антиправительного мятежа всего клана Нагих. Если же организация беспорядков исходила от Афанасия Федоровича (что, на наш взгляд, более вероятно), в ней, скорее всего, были задействованы только представители угличской ветви этого рода. При этом известность и авторитет старшего из двух Афанасиев Нагих – Афанасия Федоровича – был несопоставимо значительнее и выше, чем у Афанасия Александровича, что также нельзя не учитывать, определяя, кто из Нагих был лидером антигодуновского восстания в Москве.

Уже 2 июня в выгоревшей Москве, в Кремле, Следственная комиссия Шуйского излагала результаты своей работы в Угличе. Следственное производство было ускорено не только внутриполитическим, но и разразившимся внешнеполитическим кризисом. Одновременным нападением с севера и юга России угрожали Швеция и Крым[90]. В январе 1591 года был ограблен направленный в Крым русский посол Бибиков. Уже в мае татары двинулись на Москву, распустив слух о том, что идут воевать Польшу. Во второй половине июня 1591 г. татары подошли к Москве.

К войне с Казы-Гиреем готовились загодя. Из материалов дела о гибели царевича Дмитрия следует, что дьяк Михаил Битяговский собирал людей для посохи «под город под гуляи», тогда как Михаил Нагой «многажды с ним бранивался про ωсударево дело, и в тот ден(ь)[91] с ним бранился ω посохе, что велел, г(о)с(у)д(а)рь, с них взят(ь) посохи пядесят человекь, под город под гуляи, и ωн, г(о)с(у)д(а)р[ь], посохи не дал»[92].

[89] Так, например, между рождением первой дочери Ивана Грозного царевны Анны (1549–1550), и последнего его сына царевича Дмитрия (1582–1591), прошло 33 года. Два Дмитрия – «пеленочник» (1552–1553) и Угличский родились у царя с интервалом в 30 лет. Разница в возрасте между царем Федором Ивановичем (род. в 1557 г.) и Дмитрием Угличским составляла 25 лет.

[90] *Зимин А.А.* В канун. С. 173–174; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 86–88.

[91] «И в тот ден(ь)...».– Имеется в виду день гибели царевича Дмитрия, т.е. 15 мая 1591 г.

[92] РГАДА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

Карьера государева дьяка Михаила Битяговского началась с его службы в Казани, где он находился по крайней мере с 1578/79 по февраль 1588 г. В боярском списке 1588/89 г. напротив фамилии Михаила Битяговского имеется помета «з государемъ». В декабре 1589 г. он сопровождал царя Федора в ругодивском (нарвском) походе[93]. В 1589/90 г. Михаил Битяговский совместно с кн. Федором Ивановичем Мстиславским составлял десятню по Владимиру. Будучи послан в Углич, он не только фактически ведал управлением уделом, но и занимался обеспечением оборонительных работ на подступах к нему. По-видимому, он контролировал возведение гуляй-города – передвижного полевого укрепления под командованием «гулявого» воеводы, а потому и собирал посоху «под город под гуляй».

Считается, что впервые гуляй-город был использован при взятии Казани в 1552 г. Решающую роль он сыграл в 1572 г. в сражении при Молодях. Собирались применить гуляй-город и для отражения конницы Казы-Гирея. Уже весной 1591 г. тревожные слухи о готовящемся походе крымчаков заставили правительство принимать решительные меры к обороне Москвы. Важнейшим оборонным мероприятием этого времени было возведение гуляй-городов[94]. Отказ Михаила Нагого предоставить людей под гуляй-город, в то время, когда грозит очередное нашествие татар, вполне тянул на государственную измену. Таковыми в преддверии нападения грозного и опасного врага представлялись бунт в Угличе и Москве. Брожения умов, заквашенные на слухах о насильственной гибели царевича Дмитрия, в условиях грозящей военной опасности могли отрицательно сказаться на доверии к Борису Годунову как правителю и пополнить активными недоброжелателями стан его врагов[95]. Образ убийцы брата царя Федора Ивановича мог повредить Годунову и в деле отражения крымчаков. Он, безусловно, отрицательно сказался бы на доверии войска к своему командующему и, соответственно, на боеспособности и боевом духе русского войска. По справедливому замечанию А.А. Зимина, в этом плане личные интересы Бориса Годунова совпали с государственными. Именно поэтому расследование обстоятельств смерти царевича дóлжно было провести в исключительно короткие сроки и с возможно меньшим резонансом. Так оно и вышло. Комиссия Василия Шуйского работала в Угличе не менее 7, но не более 11 дней и выехала в Москву не ранее 25, но не позднее утра 30 мая 1591 г.

Вероятно, в ожидании крымчаков были проведены и первые противопожарные мероприятия в Москве в мае 1591 г., когда «в объезде для огня и для всяково воровства» были выставлены специальные люди. Обращает на себя внимание слово «воровство» (т.е. противогосударственная акция,

[93] *Зимин А.А.* В канун. С. 172.

[94] См.: *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 69–70.

[95] *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 190–191; *Зимин А.А.* В канун. С. 174–175.

заговор, измена, предательство[96]) в записях разрядных книг в связи с мерами противопожарной безопасности, предпринятыми властями в столице накануне вторжения Казы-Гирея. Оно означает, что изменнических поджогов ждали. Не исключено, что подготовительные к предотвращению возгораний мероприятия в мае-июне 1591 г. в Москве были вызваны памятью о событиях 20-летней давности, когда поход на столицу крымского хана Девлет-Гирея сопровождался пожарами на ее окраинах и имел самые трагические последствия: «Самый город неприятель не взял, но зажег его предместья, которые (состоя из деревянного строения, без камня, кирпича или глины, за исключением немногих наружных покоев), сгорели с такою быстротою, и огонь так далеко распространился, что в четыре часа не стало большей части города, имеющего до 30 миль или более в окружности. Зрелище было ужасное: при сильном и страшном огне, обнявшем весь город, люди горели и в домах, и на улицах <...>; <...> в одно и то же время от огня и давки погибло (как сказывают) 800 000 человек или более. Запалив город и насладившись зрелищем яркого пламени, крымский хан возвратился домой со своим войском и прислал <...> русскому царю нож, чтобы он зарезал себя после такой потери <...>»[97].

Дж. Флетчер оставил интереснейшие заметки о взаимоотношениях России и Крыма в конце XVI в. По его сведениям, крымские татары совершали свои набеги «...один или два раза в год, именно около Троицына дня[98], но чаще во время жатвы»[99]. Учитывая, что пасхальный предел определяется между 22 марта и 25 апреля и понимая всю условность таких вычислений, установим примерные сроки весеннее-летних вторжений крымских татар на территорию Русского государства. Примерным ориентиром для определения вероятной даты военного похода крымчаков является указание Флетчера на Троицын день. Троицын день приходился на период между 10 мая и 13 июня и, вероятно, в период с мая по июль набеги крымских татар были особенно ожидаемы и требовали от правительства специальной подготовки к ним. В 1591 г. Троицу отмечали 23 мая.

Флетчер определенно различал крупномасштабные походы крымских татар, целью которых был поход на столицу, и грабительские походы на окраинные территории Русского государства малыми силами: «когда идет войною сам Великий или Крымский Хан, то ведет он с собой огромную армию в 100 000 или 200 000 человек. В противном случае, они делают кратковременные и внезапные набеги с меньшим числом войска, кружась около границы, подобно тому, как летают дикие гуси, захватывая по дороге все, и стремясь туда, где видят добычу»[100]. Еще в начале мая 1591 г.

[96] СРЯ XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 31.

[97] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 75–76.

[98] Троицын день (Троица) – приходящийся на воскресенье 10-й день после Вознесения Господня или на 50-й день после Пасхи.

[99] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. С. 76.

[100] Там же. С. 76.

крымские перебежчики показали, что на Москву Казы-Гирей идет с более чем 150 000 войском, т.е. «со всей ордой». Помимо крымчаков в походе приняли участие Малая Ногайская орда (Казыев улус), турецкие конные отряды из Очакова и Белгорода, а также янычары. Вторжение сопровождалось движением полевой артиллерии с турецкими пушкарями в придачу[101].

10 июня воеводой Василием Вельяминовым из Путивля в Москву был срочно отправлен сторожевой голова Сергей Аптыков с сообщением о том, что крымский царь «идет на государевы украины Муравским шляхом, а с ним по смете людей с полтораста тысяч и больше». Основная часть русских войск стояла «на берегу», тогда как другая была сосредоточена в районе Новгорода и Пскова[102]. Получив тревожную информацию, царь Федор велел воеводам Тулы, Дедилова и других пограничных городов, укрепив их, выдвинуться со всеми людьми «на берег» Оки к главнокомандующему князю Ф. И. Мстиславскому и занять там места «по росписи»[103]. Планировалось остановить татар на переправах через Оку, куда те прорвались, спалив предместья Тулы, а затем и Серпухова, 26 июня. Однако правительство Федора Ивановича опасалось прорыва подвижной татарской конницы и выхода ее в тыл русскому войску. Получив соответствующее распоряжение из Москвы, Ф. И. Мстиславский 28 июня отдал приказ об отходе войска на Пахру, чтобы защитить от татар ближние подступы к столице[104]. Оборона Москвы была возложена на Бориса Годунова, в распоряжении которого находились дворовые войска[105]. 29 июня из сообщения тульского станичного головы Алексея Сухотина, прибывшего к царю Федору, стало известно, что крымский хан «идет к берегу на прямое дело со многими людьми». Сухотин показал, что по следам на дорогах («сакме») и «по огням», он «смечал», что «с крымским царем» движутся на Москву «людей с полтораста тысяч и больше»[106].

Татар ждали со стороны Серпухова, поэтому гуляй-город Годунов расположил в Замоскворечье, между Серпуховской и Калужской дорогами. 1 июля 1591 г. состоялся смотр русского войска под с. Коломенским. На следующий день Ф. И. Мстиславский двинулся к Котлам, чтобы соединиться с передвижным обозом (гуляй-городом, представлявшим собой своеобразную походную крепость на колесах) Бориса Годунова[107]. В обоз были свезены пушки. Артиллерией («нарядом») распоряжался только что вернувшийся

[101] РК 1475–1598 гг. С. 440–441; ПСРЛ. Т. 14. С. 42; см. об этом: *Зимин А. А.* В канун. С. 177–178; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 89.

[102] *Зимин А. А.* В канун. С. 178.

[103] Подробнее см.: *Зимин А. А.* В канун. С. 178; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 89.

[104] *Зимин А. А.* В канун. С. 178; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 89.

[105] *Зимин А. А.* В канун. С. 178

[106] А. А. Зимин отмечал, что данные о численности войска Казы-Гирея в источниках разнятся: 100 000, 150000 и даже 400000 человек (см.: *Зимин А. А.* В канун. С. 178).

[107] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 89.

из ссылки оружничий Богдан Яковлевич Бельский. Наконец, 3 июля для наблюдений за продвижением татарской конницы был выслан военный отряд в 200 человек, однако уже через два часа дозорный воевода прискакал к обозу израненный и сообщил, что татары переправились через Пахру[108]. Посланный на Пахру воевода кн. Владимир Иванович Бахтеяров был на голову разбит крымчаками.

Федор Мстиславский оставил Котлы и начал движение к Данилову монастырю. Туда же с обозом и артиллерией «дворовой ратью» подошел Борис Годунов. 4 июля в третьем часу дня крымчаки заняли Котлы. По Серпуховской дороге навстречу Казы-Гирею выступили конные дворянские сотни, которые сражались с татарами до глубокого вечера. Однако конные сотни были отброшены, а войско крымского хана вплотную приблизилось к укрепленному обозу Бориса Годунова[109]. Начался штурм гуляй-города.

В оценке дальнейших событий источники расходятся. Р.Г. Скрынников обратил внимание на то, что, согласно государеву разряду 1598 г., Казы-Гирей сам подошел к гуляй-городу «со всеми людми»[110]. Сражение, продолжавшееся весь день, будто бы закончилось тем, что «...у крымского царя... многих людей побили».

Пространная редакция Разрядных книг рисует иную картину битвы возле Данилова монастыря, которая никак не тянула на генеральное сражение. Согласно этому описанию, Казы-Гирей выслал к русскому гуляй-городу «царевичев со многими крымскими людми», ограничившись лишь «травлей» (отдельными стычками) с русским войском. Из гуляй-города навстречу врагу были выставлены конные сотни, которые «с крымскими людьми травились», «... и царь крымской... на премое дело не пошол и полков своих не объявил, а стоял на Котле в оврагех в крепостях»[111]. Сведения Нового летописца об этом сражении сводятся к утверждению, что «люди государевы, бияхусь... из обозу и не можаху их одолети; они же, погани, топтаху московских людей и до обозу». Однако имеются и более осторожные свидетельства: «...крымские люди к обозу прилазили, и Бог сохранил, бой был ровно...»[112]. Скорее всего, перестрелка «за Ямскою слободою» от Воробьева до р. Котел, продолжаясь ок. 7 часов, носила в основном беспорядочный характер[113]. Попытка взять обоз Годунова штурмом не удалась. Казы-Гирей не решился атаковать русские полки главными

[108] Там же. С. 89.

[109] *Зимин А.А.* В канун. С. 178; *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 89.

[110] *Зимин А.А.* В канун. С. 178; ср.: *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 89.

[111] *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 89.

[112] Там же. С. 89–90; см.: РНБ. Собр. Эрмитажн. № 390. Л. 762 об., 759–761, 766 об., 768, 772; РК 1475–1598 гг. С. 443–444; НИОР РГБ. Муз. № 6033. Л. 264; ПСРЛ. Т. 14. С. 42.

[113] *Зимин А.А.* В канун. С. 178.

силами, а отвел свои войска к Коломенскому и разместил их на лугах по обе стороны Москва-реки. Стан Казы-Гирея расположился за Москвой-рекой.

В ночь на 5 июля снова началась стрельба. В лагерь Казы-Гирея под видом сдавшегося в плен дворянина пробрался лазутчик. Он сообщил о том, что ночью в Москву на подмогу русскому войску прибыла немецкая и польская 30-тысячная рать[114]. Само по себе тревожное, это известие получило неожиданное подтверждение среди ночи. В русских полках произошел «всполох велий» – прозвучал сигнал тревоги. Тревога была нечаянной, ложной, но она заставила пушкарей в темноте броситься к своим орудиям.

Первыми открыли огонь пушкари гуляй-города. За ними с крепостных стен ударила тяжелая артиллерия «и осветиша городы все от пушек»[115]. Сильнейшая артиллерийская канонада вызвала смятение и панику в стане врага. Татары «бежаху и друг друга топтаху». 7–8 июля, вплоть до самого Серпухова арьергард крымчаков преследовали войска Ф. И. Мстиславского и Бориса Годунова. В плен были взяты, по официальным данным, 1 000 человек, по другим – 400 или 200. И. Масса писал, что русским удалось захватить «около 70 человек, по большей части холопов господ, намеревавшихся во время осады поджечь Москву»[116]. Запорожские и донские казаки разгромили крымские «коши». Преследовать крымцев за Окой уже не стали. Раненый в руку Казы-Герай «пришол из войны... в ночи в телеге»[117].

Насладиться победой в полной мере Борису Годунову не удалось. Во-первых, после отражения крымчаков по южным окраинам Русского государства расползлись слухи об «убойстве» Дмитрия и о том, что татар «навел» Годунов[118]. Об этом много говорили в народе («воиде в мысль во многие простые люди украинские, что приведоша царя Крымского под Москву Борис Годунов, бояся от земли про убойство царевича Дмитрея»). Приехавший из Алексина сын боярский Иван Подгорецкий показал, что подобные «словеса» он слышал от своего крестьянина. Последнего схватили и пытали в Москве. На дыбе он назвал распространителей слухов, «... оклеветав много множество людеи». По городам «во всеи украине»

[114] *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 38; Временник Ивана Тимофеева. С. 157; см. также: *Зимин А. А.* В канун. С. 179; Новый летописец сообщает, что данные о подмоге («приидоша к Москве многая сила Новгородская и иных государств Московских») поступили сразу от нескольких «полонеников» (ПСРЛ. Т. 14. С. 43).

[115] Об обороне Москвы см.: РК 1475–1598 гг. С. 440–448; РК 1559–1605 гг. С. 267–268; РГАДА. Ф. 123. Кн. 18. Л. 189–190; РНБ. Собр. Эрмитажн. № 390. Л. 768; Временник Ивана Тимофеева. С. 157–158; ПСРЛ. Т. 14. С. 42–43; *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 36–38; *Анпилогов Г. Н.* Новые документы. С. 41–43; см. также: *Зимин А. А.* В канун. С. 178–179; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 90–91.

[116] *Масса И.* Краткое известие о Московии. С. 38.

[117] *Зимин А. А.* В канун. С. 178–179; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». С. 91.

[118] *Зимин А. А.* В канун. С. 179.

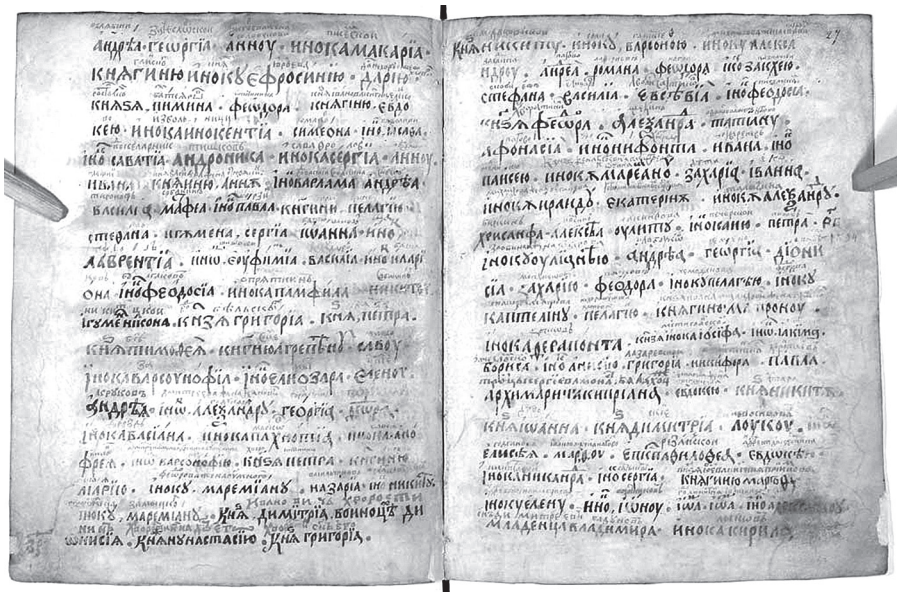
начались расследования, в ходе которых были установлены имена новых злоумышленников. и «...множество людеи с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а инии по темницам умираху»[119]. Во-вторых, имени Годунова не оказалось среди имен бояр и воевод, представленных к награде за победу над крымчаками. Согласно царскому указу 10 июля 1591 г. воеводы, участвовавшие в обороне Москвы, получали «государево многое жалование, коемуждо по их достоянию». Все, кроме Бориса Годунова, которого Ф.И. Мстиславский опрометчиво не упомянул в своей реляции о победе. Ему это стоило кратковременной опалы, тогда как Борис Федорович был вскоре «за многие его службы... и за летошний царев приход» вознагражден присвоением ему высокого титула «слуги»: «...шурину же своему Борису Федоровичу Годунову даде свое государево многое жалование и вотчины, ему же пожаловал честь: велел его писати слуга, конюшенной боярин». По меткому замечанию А.А. Зимина, «истинный вклад Бориса в оборону столицы определить трудно, но так или иначе он получил самое большое пожалование»[120]. Выехавший в июле 1592 г. в Речь Посполитую посол Афанасий Резанов разъяснял значение нового титула Годунова: «То имя честнее всех бояр. А дается то имя от государя за многие службы»[121].

В этих условиях Борису Годунову была крайне не выгодна любая шумиха, поднятая вокруг смерти царевича Дмитрия. Вывод Следственной комиссии Шуйского о том, что «царевичю Дмитрию смерть учинилась божьим судом» как бы лишал остроты вопрос о гибели единственного на тот момент наследника престола. Основное внимание царя Федора Ивановича и участников Освященного собора 2 июня 1591 г. в сгоревшей Москве, ожидавшей набега Казы-Гирея, было обращено не столько к кончине царевича, сколько к «измене» Нагих. Последняя сводилась к «напрасному» побитию государева дьяка Битяговского и других приказных людей, стоявших «за правду», а после московских пожаров обещала разрастись в серьезное дело, связанное с разоблачением антиправительственного мятежа.

[119] ПСРЛ. Т. 14. С. 43–44.

[120] *Зимин А.А.* В канун. С. 179–180.

[121] В действительности титул слуги в конце XVI в. не был выше чина боярина и не давался за заслуги, а был связан с княжеским происхождением своего носителя и наличием у него вотчины – княжения. По мнению А.А. Зимина, наказ А.Д. Резанову был типичным примером «переписывания истории» в интересах правительства Годунова.– подробнее см.: *Зимин А.А.* В канун. С. 180–181.



Ил. 1. Троицкий синодик (НИОР РГБ. Ф. 304. № 41. Л. 26 об. –27)